И С Т О Р И Я

ИЛЛИРИЙСКИЙ ФАКТОР В РИМСКО-МАКЕДОНСКОЙ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ»

© 2007 г.

Н.Ю. Сивкина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vestnik_nngu@mail.ru

Поступила в редакцию 11.01.2007

Установление римского протектората на Балканах после победы в Иллирийской войне 229–228 г. до н.э. поставило греческий мир в условия непосредственного контакта с римлянами. С этого времени иллирийские проблемы стали важным фактором, приведя Македонию и Рим в состояние «холодной войны», а затем и к открытой конфронтации. В статье рассматриваются только начальная стадия и истоки конфликта, который имел фатальные последствия для эллинистического мира. Македония и Рим имели различные взгляды на иллирийскую территорию. Македонский царь Филипп V не желал ее подчинения и стремился к полной гегемонии в Греции. Римляне не поняли его миролюбивых устремлений. Поэтому конфликт между Римом и Македонией по поводу Иллирии явился результатом различий римской и эллинистической ментальностей.

Появление римлян к востоку от Адриатики и их первые контакты с македонским царством остаются одной из сложных проблем политической истории последней трети III в. до н.э. Установление римского протектората на Балканах после победы в первой Иллирийской войне в 229–228 гг. до н.э. привело греческий мир в соприкосновение с римским. Начиная с этого времени иллирийские проблемы стали существенным фактором, подтолкнувшим Македонию и Рим сначала в состояние «холодной войны», если воспользоваться современной терминологией, а затем и к открытому столкновению. В настоящей работе мы остановимся лишь на истоках римско-македонского конфликта, приведшего к роковым для эллинистического мира последствиям.

Иллирийские племена проживали на северо-западе Балканского полуострова. Наиболее богатой территорией, имевшей прекрасные пастбища и позволявшей выращивать хлебные злаки, считалась Южная Иллирия [1]. Именно здесь находились такие греческие полисы, как Аполлония и Эпидамн. С военной точки зрения эта местность была уязвима для нападения и с юга, и с севера, и из внутренних районов. Иллирийское побережье богато гаванями, но затруднения для мореплавателей создают юго-западные ветры. Самой удобной гаванью и в торговом, и в стратегическом отношении располагал Эпидамн. Неудивительно, что и римские, и македонские политики видели насущную необходимость в установлении своего контроля не над северными землями, а над южными.

Первый случай римского вмешательства в дела по другую сторону Адриатики был вызван усилением иллирийского пиратства. Не останавливаясь в данной статье на истории самих Иллирийских войн, основные данные о которых содержатся у Полибия и Аппиана (чьи сведения, к сожалению, часто противоречат друг другу), отметим лишь, что оба автора подчеркивают размах иллирийского пиратства в правление предводителя племени ардиэев Агрона и его жены Тевты, сообщают об отправке в Иллирию римлянами послов и убийстве одного из них (App. Illyr. 7. 3–4) или обоих (Polyb. II. 7. 3; 8. 6–8) [2], а также указывают на измену Деметрия Фарского как одну из причин быстрого успеха римлян в Иллирии (App. Illyr. II. 7. 3–4; Polyb. II. 9. 1–10; 10. 2–8; 11. 4). Кроме того, Полибий сообщает (II. 12. 4–8), что консул Постумий Альбин через своих легатов дал объяснения по поводу римского вмешательства на собраниях Этолийского и Ахейского союзов. Вскоре после этого сенат отправил послов с той же миссией в Коринф и Афины [3]. Главный вопрос, представляющий интерес для понимания начала римско-македонских отношений, заключается в том, были ли римские действия в Иллирии изначально враждебны Македонии или, говоря иначе, были ли они восприняты как таковые в Македонии [4].

Исходя из приведенных свидетельств Х. Хабихт, например, подчеркивает, что Этолия и

Ахайя в тот момент находились в состоянии войны с Македонией, а Афины недавно вышли из-под ее власти. Поэтому не могло быть случайностью, что ни легаты Постумия, ни послы сената не посетили царский двор в Пелле. Считая версию о стремлении Рима уже в то время изолировать Македонию слишком рискованной, сам Хабихт тем не менее утверждает, что римляне пытались снискать симпатии новому порядку у противников Македонии, что не могло оставить македонского царя равнодушным [5]. Но подобная версия базируется в основном лишь на данных Полибия, что позволяет поставить ее под сомнение [6]. Кроме того, американский историк несколько преувеличивает, говоря о войне Этолии и Ахайи с Македонией. Ахейский союз с 229 г. до н.э. вел уже другую кампанию — против Спарты, и его внимание от событий на севере было отвлечено. В Македонии сменился царь: после гибели Деметрия II, погибшего в сражении с дарданами, в 229 г. до н.э. трон занял Антигон Досон, сначала в качестве регента, а затем царя. Вполне очевидно, его внимание занимали отнюдь не иллирийские, а внутригосударственные проблемы, поскольку из Деметриевой войны Македония вышла с серьезными потерями. Этолия также не была «в состоянии войны», она придерживалась позиции нейтралитета в ахейско-спартанском столкновении, а по отношению к Македонии правильнее говорить о ее враждебности.

В других исследованиях сложившейся ситуации высказываются весьма разнообразные взгляды на указанный выше пассаж Полибия. Так, М. Кэри полагает, что посольства были лишь «обменом любезностями» [7], а Ф. Уолбэнк [8] не признает их антимакедонский характер. Другие исследователи полагают, что Рим рассчитывал найти в Этолии и Ахайе опору против македонян, а посольства в только что освободившиеся из-под власти Антигонидов Афины и в Коринф — метрополию Аполлонии и Эпидамна, попавших в сферу римского протектората, имели ту же цель [9]. Однако мы придерживаемся иного мнения о сущности этих контактов и считаем целесообразным рассмотреть их отдельно от македоно-иллирийских проблем.

Считается, что первая война римлян с иллирийцами была вызвана пиратскими действиями последних, создававшими серьезные помехи морской торговле [10], хотя римский сенат довольно долго с безразличием относился к жалобам торговцев [11]. Однако накануне столкновения участились случаи нападения на римских граждан, заканчивавшиеся грабежом, похищением или убийством [12]. Как попытался показать А.П. Беликов, основную причину войны следует видеть в стремлении римлян накануне столкновения с Карфагеном обеспечить тыл со стороны Иллирии, устранить помехи морской торговле, значение которой в военное время всегда возрастает [13]. Не следует игнорировать и тот факт, что сотрудничество между пуническими морскими силами и иллирийскими могло рассматриваться в Риме как вполне реальное [14]. И не случайно мирный договор, подписанный после войны, запрещал иллирийцам использовать военные корабли южнее Лисса.

Но фактически предлогом для римского вмешательства стало обращение к ним за помощью жителей острова Иссы, который наряду с Фаром, Эпидамном и Керкирой был важным перевалочным пунктом в римской торговле. Этот регион особенно сильно страдал от разбоя иллирян, управляемых после смерти Агрона в 231 г. до н.э. его вдовой Тевтой (Polyb. II. 8–10). С просьбой о помощи пострадавшие обращались к ахеянам, этолийцам, греческим городам иллирийского побережья, но нашли отклик лишь у ахеян, однако и они были бессильны остановить иллирийцев (Polyb. II. 9. 8 и 10. 1–6). Призыв же к Риму нашел понимание и поддержку. Примечателен факт, что римляне вмешались лишь тогда, когда греческие города находились на краю гибели и никто из соседей не мог помешать их сдаче варварам. Выступив в роли защитника, Рим заложил основы для дальнейшего сотрудничества и с другими эллинскими городами. Таким образом, можно согласиться с тем, что эта война соответствовала устремлениям самих греков, также страдавших от иллирийских рейдов [15], как отмечал Полибий (II. 12. 5). Выбор государств, в которые Рим отправил посольства с разъяснениями своих действий, можно объяснить тем же фактом. Мы не разделяем мнения А.П. Беликова [16], который указывает, что сенат ни прежде, ни в последующие годы не обращал внимания ни на потребности купечества, ни на пиратство, мешавшее торговле (сенат вмешался лишь тогда, когда пиратство блокировало хлебные поставки в Рим). Можно сказать, что этот случай был особым. Накануне войны экономические и политические цели были взаимосвязаны. Поэтому послы сената были отправлены в те

греческие города, чьи экономические интересы несли ущерб от действий иллирян. Именно этим можно объяснить, например, заявления римлян в Коринфе. Этот крупный торговый город, с одной стороны, был метрополией греческих городов Иллирийского побережья [17], находившихся теперь в сфере римского влияния, но с другой стороны, он входил в Ахейский союз, в котором принимать государственные посольства были в компетентны лишь всеахейское собрание или стратег союза [18]. Иное дело, если речь шла о торговом партнерстве [19]. В таком случае становится понятным, почему римские послы не прибыли в Македонию: Антигониды, в отличие от других эллинистических царей, не были крупными торговцами [20]. Примечательно, что сначала легаты консула были отправлены к этолийцам и ахейцам. При этом Полибий пишет о прибытии в Этолию лишь легатов Постумия, но не о послах сената. Такое разграничение показательно. О торговых делах с этолийцами римляне переговоров не вели, поэтому послов к ним не отправляли. Прибытие же легатов, видимо, не следует связывать только с тем фактом, что это были два самых сильных союза в Греции, но нужно учитывать то обстоятельство, что прежде к ним же направлялись послы Иссы с просьбой о военной помощи. Поэтому действия Постумия следует рассматривать скорее как акт вежливости по отношению к дружественному государству, чем как установление официальных дипломатических отношений с этими федерациями.

Таким образом, едва ли правомерно утверждать, что первые контакты римлян состоялись с врагами Македонии. Важнее тот факт, что сенат в тот момент не собирался развязывать войну на востоке и не делал долгосрочных прогнозов. Римляне не могли знать, что произойдет в Греции через несколько лет, и, следовательно, их появление на Балканах было случайным событием, стечением обстоятельств в конце Деметриевой войны. Все эллинские государства остались в стороне от непосредственного участия в римско-иллирийском конфликте и не восприняли его как фактор угрозы своей независимости. Игнорирование сенатом Македонии не следует воспринимать как определение Римом следующей цели своей агрессии; вероятнее всего, это государство их вообще не занимало до начала римско-македонских войн [21]. Соответственно, едва ли стоит принимать во внимание риторическое замечание Юстина (XXIX.
3. 8) о том, что римляне не были свободны от страха перед Македонией, их будто бы пугала давняя слава македонян, покоривших Восток.

Наконец, нужно отметить еще один немаловажный момент: даже почти два столетия спустя после описываемых событий римские политики вряд ли понимали сущность политических отношений в эллинистических государствах [22]. Непонимание это, по мнению Е.В. Смыкова [23], было основано на несходстве фундаментальных политических ценностей эллинистического мира и Рима и было общим для всех римских политических деятелей. Поэтому недопустимо говорить, что при своем первом контакте с этим миром римляне уже разобрались во всех тонкостях греко-македонских отношений, а следовательно, едва ли нужно придавать большое значение тому обстоятельству, что римские послы не посетили Македонию. Кроме того, античная дипломатия имела довольно примитивную структуру внешних межгосударственных связей [24]. Дипломатические миссии носили эпизодический характер, отсутствовал институт постоянного представительства. Система ведения переговоров основывалась на отстаивании позиций и требовании уступок. Манипулирование при этом «силовым фактором» нередко приводило к объявлению войны [25]. Рим, пожалуй, чаще других государств демонстрировал готовность заменить дипломатические средства на военные. Принимая во внимание данные обстоятельства, можно утверждать, что шаги, предпринятые сенатом после победы над иллирийцами, не означали установления дипломатических отношений с врагами Македонии, поскольку на том этапе развития античной дипломатии такие политические инструменты были для нее не характерны.

Следующий этап римско-иллирийских отношений связан с еще одним заинтересованным лицом в этом регионе — Деметрием Фарским. Иллирийский династ Деметрий, оказавший услуги римлянам в первую войну, чувствовал себя весьма уверенно и безнаказанно до 220 г. до н.э. Его корабли, так же как и суда другого иллирийского вождя, Скердилаида, неоднократно заплывали южнее Лисса. Примечательно, что они не затрагивали городов, входивших в сферу римских интересов, т.е. Эпидамна, Аполлонии и Керкиры; вероятно, в их задачи не входила провокация Римской республики. Пользуясь

начавшейся войной с Ганнибалом, Деметрий активно расширял свою сферу влияния. В результате его усилий к 220 г. до н.э. к востоку от Италии появляется мощная, независимая и потенциально опасная сила на море [26]. Подобные действия в условиях, когда Рим был занят войной с Карфагеном, стали угрожающими, так как могли привести к установлению иллирийского контроля над Ионийским заливом [27], открыв южноиталийские территории для нападения с моря.

В связи с этим следует отметить, что македонский царь не имел никакого отношения к действиям Деметрия в это время [28]. Полибий добавляет (III. 16. 4), что зимой 220/219 г. до н.э. Рим наблюдал за соседями. Не укрылся от римлян, вероятно, и факт заключения союза между македонским царем и Скердилаидом (Polyb. IV. 29), оформленный примерно в это же время и направленный против Этолии. Столь оживленные действия иллирийцев вызывали в сенате опасения, что римляне могут быть вытеснены из Иллирии Деметрием; это обстоятельство могло стать причиной их решения напасть на него [29]. Еще раз отметим, что накануне Союзнической войны соглашение с римлянами не заплывать южнее Лисса нарушил не только Деметрий Фарский, но и Скердилаид. Однако относительно второго из династов римляне не предприняли никаких карательных мер. Таким образом, римляне развязали вторую Иллирийскую войну против Деметрия не из-за того, что он совершил, а из-за того, что он мог сделать [30]. Тот факт, что и после второй войны римляне сохранили на этих землях протекторат и не включили их в провинциальную схему, подразумевает отсутствие у Рима в то время заинтересованности в каком-либо расширении границ на восток. Но есть и обратная сторона этого утверждения: сохранение протектората означало, что римляне не опасались никакого другого вмешательства, включая и македонское, в их сферу влияния.

В ходе Союзнической войны в 218 г. до н.э. Деметрий, разбитый римлянами, бежал к Филиппу и с тех пор сопровождал его во всех кампаниях. Полибий называет его злым гением царя, склонявшим его к недостойным поступкам и побуждавшим к войне с Римом (V. 12. 5–7; 101. 6–102. 2; VII. 11. 2–3; 13. 4–5). Возможно, он действительно надеялся вернуть утраченное с помощью македонских сил. Юстин (XXIX. 2. 6) приводит совершенно неправдоподобные обещания Деметрия: подталкивая Филиппа к войне на западе, он якобы обещал уступить ему свое государство, которое захватили римляне, так как ему будет приятнее видеть, что его достоянием владеет союзник, а не враг. Македонский правитель в то время был еще очень молод, ему не хватало опыта ни в военном деле, ни в управлении государством, ни в дипломатии. Но можно полагать, что Филипп просто не мог знать последствия предоставления приюта иллирийскому авантюристу, не мог предвидеть, в каком свете будут представлены его действия в Риме. Следует поэтому думать, что именно Деметрий был опасен Риму, а вовсе не македонское государство. Связи Деметрия с македонским царским домом выглядели подозрительными. Неудивительно, что Рим и Македония игнорировали друг друга, находясь в состоянии своего рода «холодной войны». Предоставление убежища Деметрию после разгрома и нежелание выдать его римлянам (Liv. XXII. 33. 3) в 217 г. до н.э., а также занятие Дассаретиды в борьбе против Скердилаида и претензии на Аполлонию в следующем году — все эти шаги были расценены сенатом как акт открытой вражды. В расчет не были приняты ни ультимативный характер римского требования, предъявленного царю, ни греческие интересы Филиппа, ни его мирные устремления. Римляне фактически оценивали все его действия сквозь призму собственной агрессивности, что и привело их в конце концов к войне.

Переходя к обзору македоно-иллирийских отношений, прежде всего следует ответить на вопрос, расценили ли македоняне действия римлян в Иллирии как агрессивные и наносящие ущерб их интересам. Отношения македонян с северными соседями были довольно сложными. С одной стороны, македонские цари часто нанимали иллирийцев на службу в армию. Они были наемниками у Александра Македонского, в армии царей династии Антигонидов, они даже находились в составе гарнизонов Деметриады и Акрокоринфа [31]. Но, с другой стороны, северные и северо-западные границы Македонии почти двести лет находились под постоянной угрозой нападения со стороны иллирийцев и дарданцев. Прочный мир на этой границе или какое-то длительное соглашение с соседями были невозможны вследствие племенной структуры иллирийского общества, часто менявшегося соотношения сил среди племен, царей и династов [32]. По замечанию Юстина (XI. 1. 6), верность иллирийцев, фракийцев, дарданцев и других варварских племен сомнительна, поскольку они в душе предатели. Римляне впоследствии

рассматривали Македонию как барьер, ограждающий Грецию от нападения варварских народов (App. Mac. 9. 2; Liv. XXXIII. 12. 10–11). После окончательного поражения Македонии в третьей римско-македонской войне этот барьер исчез, римляне столкнулись с теми трудностями, которые стояли прежде перед македонскими правителями. Так, в 88 г. до н.э. иллирийцы напали на Македонию и Грецию, ограбили многие храмы, в том числе и Дельфы (App. Illyr. 1. 5). Против них выступил претор Македонии Луций Корнелий Сципион Азиаген, одни племена он истребил, другие переселил, лишь дарданы сумели откупиться (Ibid.). В ходе борьбы Цезаря с Помпеем племя далматов отобрало у либурнов, другого иллирийского племени, город Промону (App. Illyr. 3. 12). Цезарь отправил против них большой отряд, но иллирийцы уничтожили его. Позже, в 48 г. до н.э., к Цезарю через Иллирию шли 15 когорт пехоты и 3 тыс. всадников под командованием Авла Габиния. Иллирийцы «нечаянным нападением» уничтожили все войско и получили большую добычу (Ibid.). Лишь Август подчинил всю Иллирию и доложил сенату, что обеспечил Италии мир, «освободив ее от народов, с которыми трудно было бороться и которые часто беспокоили ее» (App. Illyr. 4. 16).

Приведенный краткий обзор показывает, насколько опасной была ситуация на границе с Иллирией и какие силы требовались для ее стабилизации. Едва ли следует в свете этих событий говорить о македонской враждебности Риму [33]. Македония после смерти Деметрия II была едва способна защитить собственные границы. Дарданцы весной 229 г. до н. э., нанеся поражение Деметрию, наводнили Пеонию и вторглись в македонские земли. В то время как новый правитель, регент Антигон Досон, боролся против них и наводил порядок в стране, активизировались другие враги. Этолийцы вторглись в Фессалию, Афины восстановили независимость. Македонский престиж стал настолько незначительным, что больше не приходилось говорить о доминирующей роли Македонии в греческом мире. Учитывая подобные обстоятельства, римляне едва ли могли воспринимать Македонию в качестве угрозы их протекторату над Иллирией [34]. Утверждение о том, что Рим мог предвидеть восстановление могущества царства Антигонидов и его наступление на Иллирию, вводит нас в опасную сферу предположений. Напротив, действия римлян, вероятно, только и можно объяснить их уверенностью, что Македония не сумеет восстановить свой потенциал, а следовательно, не станет опасным соперником в этом регионе [35].

Мнение некоторых исследователей [36] о важности западных границ для Македонии и о действиях Рима, отрезавших ее от моря, несколько преувеличено. Следует вспомнить хотя бы тот факт, что у Македонии во времена Досона не было сильного флота, способного контролировать западные воды. Более того, морская программа вообще была заброшена царем после 227 г. до н.э. [37]. Дело в том, что для казны содержание наряду с большим сухопутным войском еще и соразмерного с ним флота было слишком тяжелым бременем. Помимо денег, недоставало также морского персонала. Лишь в ходе Союзнической войны Филипп V попытался заняться строительством судов, однако не вполне успешно [38]. Македонский флот появился лишь к 201 г. до н.э. Что касается сухопутной, как западной, так и северной границы, то для македонского царя она всегда была неспокойной [39], но это обстоятельство не позволяет говорить об Иллирии как о македонской сфере влияния. Сил для ее подчинения ни у одного македонского правителя не было, гористая местность и партизанская тактика ведения войны становились существенным препятствием для завоевания со стороны Македонии. Даже самый успешный в иллирийских делах Филипп II никогда не подчинял себе всю Иллирию, никогда не управлял областью, вошедшей позднее в римский протекторат [40]. Кроме того, племенная структура Иллирии и недолгое существование единого сильного правителя создавали благоприятные условия для наиболее амбициозных вождей из царского рода в осуществлении собственной политики. Здесь было невозможно решать пограничные проблемы на основе сколько-нибудь длительного соглашения. Поэтому требовалась хорошая линия обороны и постоянная боеготовность. Принимая во внимание тот факт, что из Деметриевой войны македонское царство вышло с большими потерями, едва ли оно могло померяться силами с агрессивным иллирийским государством Агрона и Тевты. Агрон управлял силами более многочисленными и более мощными, чем любой другой иллирийский правитель прежде. Позднее другие иллирийские династы, такие как Деметрий Фарский и Скердилаид, занимаясь пиратством, не встречали никакого ограничения от соседей, в том числе и на западе [41].

Можно привлечь еще один аргумент в пользу мнения, что ни Иллирия, ни западные границы не были в числе приоритетных забот македонского царя. В 227 г. до н.э. Антигон отправился в Карию и прервал поход, вероятно, в связи с посольством из Ахайи [42]. Попытка вторжения в Карию весьма показательна, едва ли ее возможно воспринять как часть западной программы. Если бы не возникла непредвиденная ситуация в Греции, амбиции Досона простерлись бы совсем в ином направлении. Скорее всего, устремления македонян и в ходе, и после первой иллирийской войны не были направлены ни против Рима, ни на завоевание иллирийских племен. Более того, Полибий, не упускающий возможности дискредитировать дом Антигонидов, не упоминает ни о каких македонских планах в то время в этом регионе.

Следует остановиться и на союзных отношениях македонского дома с иллирийскими династами. По мнению Н. Хэммонда [43], македонский царь не оказал помощи Тевте в борьбе с римлянами по той причине, что эта кампания развивалась очень быстро. Антигон просто не успел вмешаться и предотвратить ее крах. Однако из утверждения, что македонский царь не имел сил выступить против римлян, не следует, что он был враждебен Риму. Иллирийский протекторат не очень беспокоил Досона [44], он граничил с Македонией только в Антипатрии [45]. Тот факт, что Агрон был союзником Деметрия II (Polyb. II. 2. 5), Деметрий Фарский — Антигона Досона (Polyb. II. 6), затем Филиппа, Скердилаид [46] — Филиппа, точнее Эллинской лиги (Polyb. IV. 2. 9), говорит лишь об одном: Македония, подобно любому другому государству, была заинтересована в хороших отношениях с соседями и в возможности нанимать солдат. Но подобные взаимоотношения не всегда подразумевают подчинение их и навязывание своей воли.

Примечательно, что вскоре после битвы при Селассии в 222 г. до н.э., несмотря на союз с одним из племен, Антигон Досон был вынужден вернуться в Македонию для защиты царства от масштабного нападения другого иллирийского народа. Опасность вторжения была настолько велика, что потребовался срочный отзыв всей армии из Пелопоннеса. Накануне Союзнической войны Скердилаид, родственник Агрона, участвовал в нападении этолийцев на Кинефу и ее разгроме, т. е. действовал против другого союзника Македонии (Polyb. IV. 16. 10–11). В той же операции Деметрий Фарский [47] был привлечен для перехвата этолийцев Таврионом, македонским представителем в Пелопоннесе, но при этом его услуги были оплачены, хотя он являлся союзником царя Македонии (Polyb. IV. 19. 7–9). Фактически о союзных отношениях не было речи. Следует принять во внимание еще один факт: Полибий часто говорит о союзах как о все еще существующих, поскольку они не были формально аннулированы, хотя на самом деле уже не действовали [48]. Также и от македонского царя не последовало никакого вмешательства в боевые действия в Иллирии, в союзнических отношениях с Тевтой царский двор себя никак не проявил. Непосредственного соприкосновения римских владений с границами Македонии не было. Как отмечал Н. Хэммонд [49], между Римом и государством ардиэев существовали буферные владения Деметрия Фарского и дассаретов. В управлении атинтанов и парфиниев изменений не произошло, они сохранили политическую самостоятельность. В вопросе о статусе греческих полисов Иллирии мы склонны согласиться с Г.С. Самохиной, которая считает, что они сохранили суверенитет [50]. Единственной точкой наиболее близкого соприкосновения Рима и Македонии была Антипатрия.

Поэтому, подводя итог вышесказанному, можно отметить, что иллирийский фактор присутствовал в политике и Рима, и Македонии, но по-разному. Сенат, установив протекторат, считал недопустимым возникновение какой-либо угрозы своей власти в регионе, но это касалось, прежде всего, внутрииллирийских конфликтов. Для македонских правителей иллирийские племена были источником постоянных угроз, поэтому спокойствие на границе достигалось либо с помощью заключения союза, либо военными средствами. В такой ситуации у Македонии не было возможности претендовать на земли, оказавшиеся под римским протекторатом. Также, на наш взгляд, нет причин говорить, что македонский царь реально опасался угрозы со стороны римлян и хотел создать военный союз против них. Интересы македонского царя в основном концентрировались на Греции, и война с Римом не могла содействовать его планам. Столь же несостоятельным представляется утверждение о появлении у Филиппа V в ходе Союзнической войны под влиянием Деметрия Фарского планов вторжения в Италию. Филипп не имел никакого

отношения к восстанию Деметрия Фарского [51]. В первой кампании Союзнической войны иногда усматривают сознательную медлительность македонского царя, наблюдавшего за западными событиями [52]. Однако позиция Филиппа в 219 г. до н.э. имеет более простое объяснение: это была первая кампания неопытного в военном деле царя, и он не имел права действовать опрометчиво [53]. Сложившийся в литературе взгляд на изменение внешней политики Филиппа во многом, по нашему мнению, связан с концепцией Полибия о «сцеплении» (συμπλοκή) событий [54]. Согласно его теории, события Ганнибаловой войны в Италии «сцепились» с событиями Союзнической войны в Греции. Более реальным, по мнению некоторых исследователей, выглядит предположение о том, что Деметрий мог обратить внимание царя на ситуацию в Иллирии, что было важнее для Македонии, чем битва при Тразименском озере [55]. Казалось, он мог воспользоваться трудностями римлян и вытеснить их из Иллирии. Однако, как ни привлекательна такая точка зрения, она также ведет к выводу, что Филипп все годы войны пристально наблюдал за делами западных соседей (вторая иллирийская война шла параллельно Союзнической в 219–218 гг. до н.э.), ожидая подходящего момента для установления своего протектората над ними [56]. Подобная предусмотрительность сомнительна, а спонтанное поведение было не духе царя.

Конечно, в прежние времена не было случая, чтобы македонские цари не воспользовались слабостью соседей в своих целях, но теперь ситуация коренным образом отличалась. Речь уже шла не о двух государствах, а о трех. Филипп не мог не понимать, что попытка вытеснения со спорной территории другой державы вызовет ответные действия; было бы наивно с его стороны думать иначе. Тот военный опыт, который он приобрел за годы Союзнической войны, не позволил бы ему совершить столь опрометчивые шаги. Следует помнить, что царь, несмотря на свои яркие и успешные кампании, достойные продолжателя дел Александра Великого, испытал и неудачи, и крушение замыслов, и сопротивление оппозиции. Начинать масштабные действия в Иллирии можно было только при твердой поддержке союзников. Однако царю не удалось ликвидировать влияние на них Арата. Прошло слишком мало времени, чтобы греки убедились в отсутствии у Филиппа желания поработить их и поняли реальные преимущества союза с Македонией. Нужно отметить и тот факт, что уже в конце 218 г. до н.э. стало очевидно, что ввязываться в новую продолжительную войну было слишком дорого для македонского бюджета [57]. Цели Филиппа в Иллирии не касались римлян. Не следует думать, что он планировал установить собственный протекторат над этими землями. Его ближайшей задачей становилась война со Скердилаидом, напавшим на земли западной Македонии [58]. Именно против него, а не против Италии, как убедительно показал А.П. Беликов [59], царь построил 100 лемб для переброски своих сил. Именно против пиратов, борясь за свободу мореплавания, царь намеревался создать морские базы на западном побережье Балкан. Его устремления по-прежнему были обращены на Грецию, которую он намеревался контролировать в качестве гегемона Эллинской лиги, борющегося за мирное сосуществование греческих городов.

Такая программа требовала реального подтверждения. По замыслу царя, начало реализации этих планов было положено Союзнической войной, в ходе которой царь убедительно продемонстрировал военное превосходство македонян над греками, лояльное отношение к союзникам и готовность к сотрудничеству. Теперь настало время перенести боевые операции из обессиленной и жаждавшей мира Греции в другой регион, чтобы обеспечить условия для греческой торговли. Вероятно, фигура Скердилаида соответствовала этим планам. С одной стороны, он запятнал себя грабежами, поэтому наказание его можно было представить как борьбу за греческие интересы. С другой стороны, Скердилаид нарушил договор с римлянами, и поэтому македонский правитель не ожидал их вмешательства. К сожалению, Рим, привыкший мыслить иными категориями, усмотрел угрозу своей восточной политике в слишком активных действиях македонян. Таким образом, иллирийский фактор, сыгравший немалую роль в разжигании римско-македонского конфликта, в сущности, был результатом несходства римского и эллинистического менталитета.

Примечания

1. Страбон (VII. 5. 10) пишет, что оба побережья Адриатики, иллирийское и италийское, теплые, там растут маслины и прекрасный виноград; вся страна, лежащая над иллирийской равниной, — гористая, холодная и снежная, особенно ее северная часть. Подробное описание Иллирии см.: Hammond N. Illyris, Rome and Macedon in 229–205 B.C. // JHS. 1968. Vol. 58. P. 1–4.

2. Об убийстве римских послов упоминает и Анней Флор (I. 21).

3. Разногласия вызывает вопрос, были ли эти посольства чем-то большим, чем акт вежливости, придавать им политическое значение или нет. Отрицательный ответ дают, например: Holleaux M. Rome, la Gréce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle av. J.-C. Paris, 1921. P. 113–119; Walbank F. A Historical Commentary on Polybios. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 165–167. Политический аспект видит В. Хэррис: Harris W. War and imperialism in republican Rome 327–70 B.C. Oxford, 1979. P. 137–138.

4. О враждебных Македонии шагах говорят: Hammond N. Op. cit. P. 9; Holleaux M. Op. cit. P. 109–112; Will E. Histoire politique du monde hellénistique. T. I. Nancy, 1967. P. 65–66. Против этого мнения: Dell H.J. Antigonus III and Rome // CPh. 1967. Vol. 42. N 2. P. 95.

5. Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху / Пер. с нем. Ю.Г. Виноградова. М., 1999. С. 183.

6. Рассказ Полибия о событиях в Иллирии носит следы явного воздействия определенной политической тенденции, что требует осторожного к нему отношения. Считается, что историк опирался на тенденциозного Фабия Пиктора, который представлял читателю не истинную картину римско-иллирийских отношений, а определенную концепцию римской внешней политики. Согласно этой версии, римляне вели войны, не имея корыстных целей и не стремясь вмешиваться в чужие дела. См., например: Самохина Г.С. Иллирийские войны (о принципах римской политики на Балканах в конце III в. до н.э.) // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Н. Новгород, 1991. С. 44; Беликов А.П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 40; Petzold K.E. Ein Beitrag zur römischen Ausenpolitik im 3. Jahrhundert // Historia. 1973. Bd 20. Ht 3. S. 223. Однако эта точка зрения вызывает сомнения уже потому, что Полибий сам призывал не доверять всем данным Пиктора (III. 8. 1–9). Возможно, для ахейского историка важнее было противопоставить два портрета политического деятеля — идеального государственного мужа Арата и авантюриста и пирата Деметрия Фарского (Eckstein A.M. Polybius, Demetrius of Pharus, and the Origins of the Second Illyrian War // CPh. 1994. Vol. 89. N 1. P. 46–59). Подобный подход также не способствует доверию к сведениям Полибия.

7. Cary M. A History of Rome. L., 1960. P. 196.

8. Walbank F. Op. cit. P. 166.

9. Hammond N. Op. cit. P. 9; Беликов А.П. Указ. соч. С. 49.

10. Как указывал Х. Делл (Dell H.J. The origin and nature of the Illyrian piracy // Historia. 1967. Bd 16. Ht 3. P. 345–357), иллирийское пиратство достигает значительных масштабов в 30-е гг. III в. до н.э. С одной стороны, этому способствовала скудность природных ресурсов Иллирии. Страбон указывает (VII. 5. 6), что страна ардиэев была камениста, бесплодна и не годилась для земледелия. Неудивительно, что они жили за счет пиратских действий. Но с другой стороны, он отмечает усиление воинственного племени ардиэев, предводитель которых Агрон захватил часть Эпира, города Керкиру и Эпидамн, остров Фар и оставил там иллирийские гарнизоны (App. Illyr. II. 7. 6), затем ввязался в борьбу между Этолией и Македонией, приняв участие в осаде занятого этолийцами Медиона в Акарнании (Polyb. II. 2. 5; 3. 1–7). После смерти Агрона его вдова Тевта поощряла пиратство (Полибий, в частности, указывает на ее заинтересованность в добыче: II. 4. 8; 8. 4).

11. Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. 1. Berkeley–Los Angeles–L., 1984. P. 366.

12. Hammond N. Op. cit. P. 4.

13. Беликов А.П. Указ. соч. С. 46. Интенсивную торговлю Италии в ходе войны отмечал и Н. Хэммонд (Hammond N. Op. cit. P. 4–5).

14. Беликов А.П. Указ. соч. С. 46.

15. Активные действия иллирян в Элладе, по мнению Э. Грюэна, привели греков Адриатического побережья в состояние паники, а опасения относительно иллирийского господства в Адриатике казались обоснованными (Gruen E.S. Op. cit. P. 364–365). Х. Делл даже считает, что македонский царь Антигон, не имея собственных сил справиться с иллирийскими набегами, мог усмотреть в римском вмешательстве благо для Македонии; ведь римский протекторат давал гарантию безопасности в тылу, пока царь продолжал традиционную внешнюю политику в Греции (Dell H.J. Antigonus III and Rome. P. 99–100).

16. Беликов А.П. Указ. соч. С. 46.

17. Страбон утверждает, что Эпидамн был основан Керкирой, а Аполлония — Коринфом и Керкирой (VII. 5. 8). По мнению Н. Хэммонда, Аполлония была выведена Коринфом ок. 600 г. до н.э., Эпидамн основан Керкирой в 627 г., сама Керкира также была колонией Коринфа (Хэммонд Н. История древней Греции / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2003. С. 691–692).

18. Сизов С.К. Ахейский союз. М., 1989. С. 55, 57.

19. Транзитная торговля Коринфа между Азией и Италией способствовала тому, что город и во II в. до н.э. соперничал с ведущими торговыми центрами и богатейшими городами мира — Селевкией, Родосом, Делосом, Эфесом и др. См.: Тарн В. Эллинистическая цивилизация. / Пер. с анг. М., 1949.С. 227.

20. Единственный македонский порт, через который шло зерно и лес, был Фессалоники. Коммерческими партнерами Македонии были Родос и Делос, что свидетельствует о незаинтересованности ее царей в торговле в Адриатическом море. Подробнее см.: Rostovtseff M. The social and economic history of the Hellenistic world. Vol. I. Oxford, 1941. P. 254 f.

21. Мнение о том, что римляне не угрожали Македонии, поддреживают: Gruen E.S. Op. cit. P. 367; Dell H.J. Antigonus III and Rome. P. 100. Против: Беликов А.П. Указ. соч. С. 51, 63.

22. Свенцицкая И.С. Марк Антоний и малоазийскиу полисы // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 128 сл.

23. Смыков Е.В. Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония) // АМА. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 82.

24. Садыков М.Ш. К содержанию понятия «дипломатический кризис» (на примере карфагено-римских взаимоотношений в III в. до н.э.) // Методология и методика изучения античного мира. М., 1994. С. 33.

25. Исходным моментом для кризиса является какая-либо провокация или инцидент, чаще всего связанный с захватом территорий. Протест обиженной стороны, как правило, кладет начало переговорам. Попытка вернуть утраченное или возместить ущерб противопоставляет государства. Стороны довольно жестко отстаивают свои позиции, что приводит переговоры к кризису, когда упреки и игра «силовым фактором» одерживают верх над стремлением уладить инцидент. Из тупиковой ситуации есть только два выхода — либо одна из сторон идет на уступки, что можно считать отсрочкой военных действий, либо объявляется война. Подробнее см.: Садыков М.Ш. Указ. соч. С. 32–40.

26. Eckstein A.M. Op. cit. P. 58.

27. Hammond N. Op. cit. P. 11.

28. Fine J. Macedon, Illyria and Rome, 220–219 B.C. // JRS. 1936. Vol. 26. P. 32.

29. Hammond N. Op. cit. P. 11.

30. Gruen E.S. Op. cit. P. 372. Ср.: Eckstein A.M. Op. cit. P. 58–59.

31. Griffith G.T. Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge, 1935. P. 14; 70. Not. 1.

32. Dell H.J. Antigonus III and Rome. P. 97.

33. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1980. С. 256; Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues // CAH^2. Vol. 7. 1984. P. 461, особенно 469; Hammond N. G., Walbank F.W. Op. cit. Vol. 3. P. 354.

34. Dell H.J. Antigonus III and Rome. P. 96.

35. Фактически, если бы не два случая — обращение стратега Ахейского союза Арата за помощью к Македонии и талант молодого царя Филиппа V — римляне не ошиблись бы в своих предположениях.

36. Беликов А.П. Указ. соч. С. 51; Fine J. Op. cit. P. 31; Tarn W.W. The Greek Leagues and Makedonia // CAH. Vol. 7. 1928. P. 765; Treves P. Studi su Antigono Dosone // Athenaeum. 1935. Vol. 13. P. 37.

37. Hammond N.G., Walbank F.W. Op. cit. P. 364.

38. Кащеев В.И. Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н.э. М., 1993. С. 167–173; Errington R.M. Geschichte Macedoniens. München, 1986. S. 221. К весне 216 г. было построено 100 лемб (Iust. XXIX. 4. 1). Это были небольшие суда с одним рядом весел и без тарана; максимальное число воинов, которые могли принять 100 лемб, — 6 тыс. человек; в открытом море несколько римских трирем без труда потопили бы всю сотню лемб: Беликов А.П. Указ. соч. С. 63–64.

39. Fine J. Op. cit. P. 24.

40. Dell H.J. Antigonus III and Rome. P. 97.

41. Gruen E.S. Op. cit. P. 363, 369.

42. О причинах этой экспедиции можно только догадываться. Возможно, она была направлена против экспансии Птолемеев в Эгейском бассейне: Cary M. A History of the Greek World from 323 to 146 B.C. L., 1932. P. 160.

43. Hammond N. Op. cit. P. 7. На занятость Антигона другими делами указывают: Holleaux M. The Romans in Illyria // CAH. Vol. 7. 1928. P. 840; Walbank F. Philip V of Macedon. Hamden, 1940. P. 12.

44. За эту точку зрения высказываются: Briscoe J. The Antigonids and the Greek states, 276–196 B.C. P. 153; Dell H.J. Antigonus III and Rome. P. 95.

45. Вопрос о близости македонских территорий к римскому протекторату рассматривали, например: Hammond N. Op. cit. P. 1 ff.; Fine J. Op. cit. P. 26–28.

46. Скердилаида довольно сложно признать таким же союзником македонского царя, какими были Агрон и Деметрий Фарский.

47. Деметрий в тот момент совершал пиратские набеги на Киклады. О.Л. Габелко предполагает, что организатором этого рейда мог быть македонский царь Филипп V: Габелко О.Л. История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 232. Однако, на наш взгляд, это предприятие не имело политических задач и соответствовало традиционной иллирийской практике, целью которой была нажива. Точно такими же по характеру были действия Скердилаида в Пелопоннесе.

48. Файн (Fine J. The Background of the Social War of 220–217 B.C. // AJPh. 1940. Vol. 61. P. 154) приводит следующий пример: Полибий говорит (IV. 15. 10) об этоло-ахейском союзе как о все еще действующем, что выглядит абсурдно накануне войны.

49. Hammond N. Op. cit. P. 7 ff.

50. Самохина Г.С. Указ. соч. С. 51.

51. Это убедительно доказал Дж. Файн: Fine J. Macedon, Illyria and Rome... P. 31–32.

52. Большое значение этому придает В. Тарн (Tarn W.W. The Greek Leagues and Makedonia. P. 765). См. также: Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues... P. 477; Fine J. Macedon, Illyria and Rome... P. 35. Not. 75.

53. Подробнее см.: Сивкина Н.Ю. Полибий о походе Филиппа V в Акарнанию // Проблемы источниковедения всеобщей истории. Часть I. Белгород, 2002. С. 11–16

54. Тыжов А.Я. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история. Т. 1. СПб., 1994. С. 18–19.

55. Беликов А.П. Указ. соч. С. 61; Хабихт Х. Указ. соч. С. 188; Will E. Op. cit. T. II. 1979. P. 65; Fine J. Macedon, Illyria and Rome... P. 38–39; Walbank F. Aratus of Sicyon. Cambridge, 1933. P. 152; idem. Macedonia and the Greek Leagues... P. 481.

56. Fine J. Macedon, Illyria and Rome... P. 39.

57. По сообщению Плутарха (Plut. Aem. Paul. 28), доходы македонских царей в сравнении с доходами Птолемеев и Селевкидов были невелики, они превышали установленную римлянами подать в 100 талантов всего в два с чем-то раза, т. е. составляла примерно чуть более 200 талантов в год. Правда, Р. Эррингтон полагает, что эта цифра лишь поземельного налога, но не всего государственного дохода Македонии (Errington R M. Op. cit. S. 200).

58. Македоно-иллирийские взаимоотношения всегда были сложными, достаточно вспомнить хотя бы итоги сотрудничества Филиппа со Скердилаидом в Союзнической войне. Македонский царь купил его помощь за 20 талантов, а в конце войны отказался от его услуг. Скердилаид занялся пиратством (Polyb. V. 101. 1–2). Посчитав, что Филипп не доплатил ему, он напал на 4 корабля Тавриона (Polyb. V. 95. 1–4). После этого корабли Скердилаида занялись грабежом торговых судов в Малийском заливе. Филиппу при известии об этом пришлось снаряжать целую эскадру для погони за Скердилаидом. Однако он не застал его у Малеи. После завершения Союзнической войны Филипп начал борьбу с ним на суше.

59. Беликов А.П. Указ. соч. С. 63–64.

THE ILLYRIAN FACTOR IN THE ROMAN-MACEDONIAN «COLD WAR»

N.Yu. Sivkina

The establishing of the Roman protectorate on the Balkans after the victory in the first Illyrian war of 229–228 B.C. has brought the Greek world into direct contact with the Romans. Since this time the Illyrian problems had become the essential factor which led Macedonia and Rome to the condition of «the cold war», and then to the open confrontation. In this paper, only the initial stage and the sources of the conflict, which had the fatal consequences for the Hellenistic world, are considered. Macedonia and Rome had different views regarding the Illyrian territory. Macedonian king Phillip V did not want to submit it and aspired to full hegemony over Greece. Romans have not understood his peaceful intentions. So, the conflict between Rome and Macedonia in the case with Illyria was a result of the dissimilarity of Roman and Hellenistic mentalities.